УДК 811.111'42:32

СТЕРЕОТИПЫ О РОССИИ И РУССКИХ В АМЕРИКАНСКОМ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XIX-XXI ВЕКОВ. МАТЕРИАЛЫ К СОСТАВЛЕНИЮ СЛОВАРЯ

О. Г. Орлова

'RUSSIA' STEREOTYPES IN THE AMERICAN JOURNALISTIC DISCOURSE OF THE 19TH-21ST CENTURIES. MATERIALS FOR A DICTIONARY

O. G. Orlova

Предмет исследования в данной работе троичен: виды стереотипов о России в американском публицистическом дискурсе; закономерности, обусловливающие появление стереотипов в дискурсах определённого времени и типа; языковые способы и средства репрезентации стереотипа в дискурсе. Цель работы – систематизация различных видов стереотипов о России и русских в виде словаря стереотипов, позволяющая дать оценку взгляду на Россию производителей и потребителей американских СМИ. Методологическую базу работы составляют общие методы описания, анализа и синтеза, классификации, а также частные методы дискурс-анализа, концептуального и фреймового моделирования. В результате разработана структура словаря и макет словарной статьи для словаря стереотипов о России и русских, который, во-первых, актуализирует внимание к вопросам национальной идентичности и установления позитивного имиджа России зарубежом, во-вторых, снимает сложившееся предвзятое отношение к стереотипу как языковому и ментальному явлению.

The subject under analysis is a trinity: types of 'Russia' stereotypes in the American journalistic discourse; patterns that contribute to the emergence of different stereotypes in the discourses of various time and types; linguistic methods and means of stereotypes representation in the American journalistic discourse. The purpose is to systematize various stereotypes about Russia and Russians in the form of a dictionary that would allow estimating how the producers and consumers of the American media view Russia. The methodological framework consists in the common methods (description, analysis and synthesis, classification), and particular methods (discourse analysis, conceptual modeling and framing). As a result, 'Russia' stereotypes dictionary structure and a layout of a dictionary entry are developed. It draws attention to the issues of the Russian national identity, establishes a positive image of Russia abroad, and removes the prevailing bias against the stereotype as a linguistic and mental phenomenon.

Ключевые слова: стереотип, концепт, дискурс, дискурс-анализ, публицистика.

Keywords: stereotype, concept, discourse, discourse analysis, journalism.

Данное исследование посвящено изучению стереотипов о России и русских в американском публицистическом дискурсе, а также разработке структуры и содержания словаря стереотипов о России и русских.

Как известно, самоидентификация человека – это соотнесение себя с каким-либо народом, нацией. Усвоение и использование в общении стереотипов определяет место личности в культуре и социуме. Отношение к этносу соседей и его отношение к соседям – это важный фактор, который следует изучать для понимания места этноса среди других национальностей. Таким образом, исследование стереотипов о собственной культуре в массовом сознании других национальностей *вносит важный вклад в изучение процессов идентификации и самоидентификации русских.* Для нас особенно важным является осознание специфики образа России в массовом сознании представителей развитых стран, в частности, Соединенных Штатов Америки.

В последние десять-пятнадцать актуальна проблема русской национальной идентичности. Существует целый ряд исследований, отражающий разные подходы к исследованию России и русскости. Политологами и социологами исследуются политико-психологические вопросы национальной идентичности россиян; в этих работах затрагивается проблема этнокультурных стереотипов в соотнесении их со стереотипами других наций о России. Лингвокультурологи изучают этнокультурные стереотипы и мифы и проблемы, связанные с их репрезентацией в языке. Россия пытается осознать свои позиции в современном геополитическом пространстве, включается в мировые интегративные процессы, которые не всегда протекают в её пользу. Поэтому работа *актуальна с точки зрения углубления представлений о культуре и ментальности русского народа, что в конечном итоге приводит к пониманию специфики имиджа России за рубежом и выработке позитивных моделей её взаимодействия с мировым сообществом.*

Изучением стереотипов занимаются представители разных наук и направлений, что предопределяет междисциплинарный характер поставленной проблемы. Междисциплинарность исследования языка обусловливается тем, что конечным объектом изучения является человек. Лингвисты, включаясь в изучение проблемы лингво-когнитивного статуса стереотипа (Leyens, Yzerbyt, Schardon, 1994; Quasthoff, 1978; Vinacke, 1957; Welsh, 1983; Алимушкина, 2010; Бобринская, 2003; Голикова, 2005; Городилова, 2011; Донец, 2001; Каменева, 2008; Маслова, 2008; Некрасова, 2009; Ноженко, 2008; Пименова, 1999; Прохоров, 2008; Рыжков, 1983; Садуов, 2010; Тер-Минасова, 2000; Толстая, 1995, 2009), учитывают эту особенность объекта изучения. В работе с учётом сложившихся в разных научных дисциплинах концепций

стереотипа создаётся *некоторая объединяющая эти концепции идея стереотипа как лингво-когнитивного феномена, что и определяет её актуальность.*

Актуальностью обладает и привлекаемый к изучению проблемы стереотипа материал. *Современное общество в значительной степени формируется СМИ, которые предопределяют форму видения действительности*, и поэтому американский публицистический дискурс рассматривается как источник представлений о России, бытующих в американском обществе, которые распространяются на всё мировое сообщество.

Обращение к стереотипу как исследовательской категории означает постоянное удержание в поле зрения исследователя такого его свойства, как устойчивость: в общении (опосредованном средствами массовой информации) на заданную тему (Россия и русские) мы всякий раз сталкиваемся с одними и теми же образами: медведя, морозов, огромных пространств и пр. Эти образы – стереотипы, знаки, коды, которые отправляют нас к когда-то возникшим, освоенным языковым сознанием и постоянно воспроизводимым в дискурсах идеологиям. Здесь исследователь сталкивается не с информирующей функцией языка, а реккурентной. Это привело к разработке идеи о том, что стереотип включен в структуру фреймов дискурса. И та, и другая области исследования *(когнитивная лингвистика и лингвоконцептология и дискурс-анализ) представляют актуальные исследовательские области,* для которых статус стереотипа не прояснен.

Нужно отметить, что существует несколько направлений в изучении концепта: психологическое (С. А. Аскольдов), философское (А. А. Потебня). Активное становление такого исследовательского направления, как лингвокультурная концептология относится в России к концу XX – началу XXI века. Концепт считается основной исследовательской единицей когнитивной лингвистики и лингвокультурологии. Когнитивная лингвистика изучает языковые универсалии в пределах одного или нескольких языков и иерархию этих концептов; лингвокультурология сосредоточивается на сопоставительном описании концептов разных этнокультур.

В настоящее время активно разрабатываются теории, создающие типологии концептов с опорой на сочетание лингвокогнитивного и лингвокультурологического методов изучения языковых картин мира. Это, например, этногерменевтика и концептуальные исследования (Пименова, 2005). В Кемеровской школе концептуальных исследований изучение стереотипов, равно как и лингвокультурных концептов, является приоритетным направлением исследований (Гришина, 2004; Куданкина, 2005; Орлова, 2005, 2011, 2013; Пименова, Камкина 1999; Пименова, 1998; Пименова, 2013; Точилина, 2013).

Когнитивно-дискурсивное описание концепта предполагает рассмотрение его как текстового образования: концепт является ядром дискурса (текста), а текст – его развернутая смысловая структура.

Дискурс как термин и дискурс-анализ как отдельная исследовательская область связаны с именами ученых – представителей французской школы дискурс-анализа. Перевод текстов этих авторов появился в книге «Квадратура смысла» в 1999 году, и с этого же периода начинается «дискурсный бум» в России. В этих исследованиях ставится вопрос о зависимости дискурса от идеологии, разрабатываются методики описания дискурсов, систематизируются их разнообразные свойства и категории, однако место концепта в дискурсе и специфика зависимости концепта от дискурса, в котором он актуализируется, не изучены.

Включенность стереотипа как лингво-ментальной категории в процессы категоризации действительности при помощи живого языка поставила вопрос о необходимости систематизации стереотипов в виде словарей. В качестве примера словарей культуры можно привести этнолингвистический словарь «Славянские древности» (Толстой, 1995); «Словарь стереотипов и символов народной культуры» (Бартминский, 1996); «Россия. Большой лингвострановедческий словарь» (Прохоров, 2008). Таким образом, постановка проблемы *систематизации стереотипов о России и русских в виде словаря стереотипов* – это один из важных аспектов, который определяет актуальность работы.

С учётом анализа теории дискурса французских учёных мы предлагаем в качестве положений, исходных для дискурс-анализа, следующее: носителем конкретного вида дискурса являются тексты; при учёте того, что всякий текст является представителем своего дискурса, дискурсом можно именовать и весь текст, и его часть, представленную предложением или рядом предложений. Дискурс принципиально диалогичен, интертекстуален и интердискурсивен, и это свойство задаётся в дискурсе при помощи парафраза (в различных лингвистических проявлениях) и преконструкта; дискурс возникает вокруг некоторого ценностного ядра, идеологии, и агенты дискурса являются его носителями; конкретные исторические условия (условия производства, контекст) – это непосредственное внетекстуальное окружение, но и одновременно конструируемая дискурсом реальность.

Помимо этого, мы соотносим исходные положения французских учёных с категориями дискурс-анализа, выработанными современными лингвистами, и получаем некоторую методику дискурс-анализа, которая положена в основу анализа американского публицистического дискурса о России XIX – XXI веков. Условия порождения дискурса соотносим с категорией хронотопа (экстратекстуальными, контекстуальными элементами дискурса); диалог автора (который теряет свою авторскую суверенность) и «другого» (уже сказанного в дискурсе) соотносим с категориями агента и клиента дискурса; идеологическую составляющую дискурса соотносим с категорией топиков и концептов дискурса. Новой идеей является сопоставление преконструктов дискурса с категорией стереотипа. В нашем понимании, дискурс в качестве опоры для своего существования и развития выбирает некоторые неизменяемые (или слабо изменяемые) элементы, которые формируют каркас, схему, структуру знаний, заключённых в архиве дискурса. Отталкиваясь от уже известного – стереотипа – дискурс приходит в движение. Всякий род дискурса стереотипичен, и не только с точки зрения коммуникативных стереотипов, но и с точки зрения содержательных стереоти-

пов, стереотипов как лингво-ментальных конструктов. Они обеспечивают его воспроизводимость, узнаваемость, создают идеологический каркас.

Понятие стереотипа можно определить через описание его свойств и функций. Стереотип обладает такими характеристиками, как *эмоционально-оценочный* характер, *амбивалентность, устойчивость, реальность, согласованность* и *неточность, упрощенность* и *схематичность, ассоциативность, неосознаваемость, деятельностная ориентированность*. Стереотипу свойственно выполнение следующих функций: *схематизации* и *упрощения, формирования* и *хранения групповой идеологии, экономии мыслительных и речевых усилий, категоризации, генерализации, аффективной функции, социальной, дифференцирующей, интегрирующей, редуцирующей, адаптирующей* и *селективной функций.*

В связи с функционированием стереотипов в разных видах человеческой деятельности выделяются и разные виды стереотипов. Их классификация не является полной и исчерпывающей, но, тем не менее, может способствовать разработке такой типологии стереотипов. Так, выделяют стереотипы: поведения и коммуникативные (общения); стереотипы-представления: стереотипы-ситуации и стереотипы-образы; личностные и вещественные, событийные; прагматические и когнитивные; гетеростереотипы и автостереотипы; интенциональные и спонтанные; позитивные и негативные; интенсивные и медиальные; этнокультурные, культурные и этнические; социальные стереотипы, гендерные, идеологические, политические (о политических субъектах, объектах, институтах и процессах); прямые и переносные.

В американской журналистике XIX века дискурс о России был представлен в некоторых моделях, определяемых либо по признаку хронотопа, вынесенному в сильную позицию текста (например, в заголовок), либо по совокупности жанровых характеристик.

Заголовок, актуализирующий главный топик – ‘Russia’ – подразумевает «жёсткие новости». Указание в заголовке на время прибытия сообщений из Европы, названия корабля, доставившего известия («*Further by* <u>*the America*</u>*. Arrival of the Foreign Mails. The mails of the steamer America were received in this City* <u>*at midnight yesterday*</u>*. Our files of English papers contain some interesting items*» (NYT 1853, July 23)), готовит читателя к восприятию более подробной информации о событиях за рубежом, в том числе и в России. Это, как правило, большие материалы, имеющие внутреннее членение на фрагменты, каждый из которых посвящён событиям в разных странах. Малоинформативный заголовок «подсказывает» тональность дискурса: в публикациях с такими заголовками присутствует идеологическая тональность.

В дискурсе XIX века нами обнаружены такие типовые дискурсивные практики: hard news, feature story, human interest story, creative non-fiction: travel writing, лекция, обзор прессы, открытое письмо. На уровне жанра частотно взаимодействие различных жанровых характеристик, что создает разнообразные дискурсивные модели (статья-лекция, «жёсткая новость» с элементами оценки).

Интердискурсивность проявляется в форме цитации других газет, диалога с текстами других газет, в форме диалога с предыдущими текстами изучаемой газеты.«***Russia. From the Washington Union, May 10.****Mr. H. David Winter Davis <…> affects to regard the United States and Russia as the respective champions of the principle of liberty and the principle of despotism, and to foresee in the distant future a mighty and decisive conflict between these puissant combatants in the great drama of human history*» (NYT 1853, May 21). «***Washington.***<u>*Who wrote the Russian article in the Union newspaper of Thursday last? Today the discuss is renewed*</u>*, with equal vigor, and as marked interest*» (NYT 1853, May 26). Возможность диалога предопределяется единым топиком и единым идеологическим полем, в рамках которых существует дискурс.

В современной американской журналистике о России мы обнаруживаем, что указание на автора, время и место события дискурса становится дискурсивной формулой, «рутинным» правилом дискурса. В медиа XXI века нет необходимости актуализировать временной промежуток, разделяющий ‘время’ дискурсивного события и ‘время’ события дискурса: его практически нет или оно незначительно.

В репертуаре жанровых дискурсивных моделей произошло сокращение: мы не находим лекций, открытых писем. Тем не менее, наблюдаются виды текстов, наследующие этим жанровым моделям – это публикации, подготовленные привлеченными лицами (экспертами, непосредственными участниками событий и пр.).

Интертекстуальное взаимодействие происходит в форме цитат мнений первых лиц государств, экспертов и иных клиентов дискурса. Помимо этого, интертекстуальное взаимодействие обеспечивается преконструктами дискурса (ранее сказанным) и прецедентными феноменами. Возможность интертекста предопределяется единым ядерным топиком – ‘Russia’. Вокруг этого суперконцепта группируются традиционные мнения и оценки – стереотипы, которые с течением времени не меняются. Изменениям подвержено слотовое наполнение концепта; так, «авторитаризм» России – традиционная оценка, которая встречается в публицистике и XIX века, и XX – XXI веков. Однако в XIX веке этот стереотип был связан с самодержавием, в XXв. – с коммунизмом, а в XXI веке признаки авторитаризма находят в президентском правлении. «*Two big, non violent demonstrations against election fraud and for democracy have suddenly challenged* <u>*the authoritarian rule*</u> *of the career K.G.B. man Vladimir V. Putin*» (NYT 2012, January 13).

При анализе публицистики конкретного автора, совокупность текстов которого, принадлежащих одному типу дискурса, мы называем «авторской дискурсивной моделью», последовательный анализ выше перечисленных категорий дискурса дает не только выход на особенности дискурса, но и на публицистический стиль автора. Публицистика У. Дюранти (1884 – 1957) – просоветская; автор использует стратегии выдвижения в сильную позицию текста ценностно-важной информации, приёмы повтора, аллитерации. Г. Солсбери (1908 – 1993) – ироничный публицист, в публицистике которого центральной

идеологемой была антитеза «духовная свобода / несвобода». В качестве одной из характеристик стиля, свойственных дискурсу Э. Бэрри, выделяется композиционное построение текста и высказывания. С точки зрения композиции текста мы обнаруживаем такое его построение, которое актуализирует противоречие между желаемым и реальным, между видимым и происходящим на самом деле. С точки зрения синтаксиса (построения отдельного высказывания) сложноподчинённое предложение времени, уступки и сложносочиненное с противительным союзом служат реализации этой же стратегии – противопоставления. «*As a legal dragnet began to close around figures in Russia's political opposition, President Vladimir V. Putin on Thursday returned to the Kremlin stagecraft that has served him for more than a decade, engaging in a live televised question-and-answer session that lasted for a record-breaking 4 hours 47 minutes*» (NYT 2013, April 25). Негативная оценка современной российской действительности в публицистике Э. Бэрри выражается косвенно, через антитезу.

Динамика дискурса обнаруживается при анализе категории условий производства дискурса и включенных в него клиентов (имен собственных, наименований партий, организаций), а также в наличии в дискурсе определенных идеологем. Имена политических деятелей и иных клиентов дискурса указывают на конкретную временную отнесённость дискурса *(the Romanoff, Mr. Brulov, a distinguished Russian painter, Louis Napoleon, Emperor Nicolas, mr. Kossuth; Tamerlan and Dzhokhar Tsarnaev, Sergei L. Magnitsky, Dmitri A. Medvedev, Aleksei A. Navalny, former Finance Minister Aleksei L. Kudrin).* То же и идеологемы: 'коммунизм', 'большевики', 'лагерь', 'антитеррористический' и прочие идеологемы возможны лишь в дискурсе определённых периодов. Если они встречаются в более поздних дискурсах по сравнению с периодом их «жизни», то, скорее всего, с иным идеологическим подтекстом.

Динамика стереотипа в дискурсе обнаруживается, во-первых, во временной привязке стереотипа к условиям производства дискурса. Так, стереотипы «красный», «коммунизм» возникают в конкретных исторических условиях существования дискурса, обусловивших их содержание. Конкретные исторические условия производства дискурса влияют также и на частоту появления отдельных стереотипов в текстах, т. е. на частоту их актуализации в дискурсе. Так, в 80-х гг. XX века актуализируется стереотип «медведь», в 20-х и 90-х гг. XX века – стереотип «водка». Изменениям также может подвергаться общая модальность: стереотип, относительно которого происходит оценивание российских реалий, остаётся прежним, но оценка меняется с отрицательной на положительную и наоборот. В данном случае стереотип ведёт себя как готовая, априори заданная схема оценки, при наложении которой на конкретные условия при определённом идеологическом или событийном сдвиге даёт положительный или отрицательный результат.

Помимо этого, исторический контекст (например, период «холодной войны») способствует группировке и актуализации в дискурсе вокруг опорного концепта-идеологемы всех связанных с ним стереотипов-представлений. Так, в период «холодной войны» становятся актуальными стереотипы интервента, «Россия агрессивна» и пр.

Во-вторых, набор средств и способов репрезентации стереотипов в дискурсе также демонстрирует определённую динамику и зависимость от исторической обусловленности дискурса. 'Царь' в XIX веке репрезентирован при помощи лексем *Czar, Emperor*; в XX веке признаками царя наделялись последовательно коммунисты и президент.

В-третьих, динамизм стереотипа в дискурсе в аспекте языковых средств его выражения может быть обнаружен в следующем. В самом начале возникновения стереотипа, при зарождении новой дискурсной формации стереотип ещё не является таковым, т. е. за неким определённым знанием ещё не закрепилась конкретная языковая форма, и оно зачастую выражено описательно, метафорически (*to block the expansion of communism throughout the world*). И только с течением времени, по завершении многих дискурсивных событий дискурсная формация приобретает границы и в ней чёткое языковое оформление получают концепты-идеологемы (*coldwar*).

Это свойственно стереотипам, имеющим происхождение от абстрактных понятий. Бытовые стереотипы, образованные в процессе наблюдения за рутинным и повседневным, имеющие предметное происхождение, как правило, репрезентированы одними и теми же языковыми средствами (*samovar, banya*).

Помимо выше сказанного, нужно отметить «сеточность» стереотипных представлений о России, которая создаётся либо за счёт одного типа поддискурса, в котором существуют тексты, либо за счёт исторического события, группирующего вокруг себя определённые стереотипы.

Стереотипы, являющиеся основой бессознательной идентификации человека по отношению к культуре (своей или чужой), фиксируют мифологизм языкового сознания, обладают оценочностью и фасцинативностью в дискурсе. Они в более или менее устойчивой языковой форме вербализуют наиболее «старые» признаки концепта. Стереотипы аксиоматичны и иногда не содержат указания на мотивированность какими-то реальными признаками объектов. Стереотипы маркированы невариативностью использования языковых средств в определенных ситуациях общения.

Культуры отличаются не столько отсутствием или наличием стереотипов, сколько их системой. Стереотипы содержатся в культуре в виде системы, в виде упорядоченной совокупности. Система стереотипов о России соотнесена и противопоставлена ценностям, характеризующим американскую ментальность.

Содержание дискурсов, их тематический репертуар определяет их стереотипность. Это означает, что в дискурсе о России, тематически определяемом как «русский дискурс», в его поддискурсах, ожидаемыми и типичными оказываются определенные темы, реализуемые во фреймах, содержащих «типичную», стереотипную информацию. Фреймы имеют структуру, состоящую из элементов – терминалов (доменов или субфреймов, кластеров и слотов и т. п.). *В данной ра-*

боте предлагается рассматривать стереотип как отдельный, зафиксированный в более или менее устойчивых формах языка, ассоциируемый признак концепта, более часто по сравнению с другими воспроизводимый в дискурсе и отмеченный национально-культурной спецификой. Этот признак встраивается в структуру концепта как терминал фрейма: это не нейтрально-облигаторные понятийные признаки, формирующие ядро концепта, а частотные субъективно-национально-культурные и мифологически / идеологически обусловленные ассоциации.

Стереотипы, как уже было отмечено, образуют систему относительно культуры, относительно дискурса, определяющего идеологические и ценностные признаки концепта, и самого концепта, содержащего различные фреймы в своей структуре. Так, был выделен геополитический субдискурс в американском публицистическом дискурсе. Его основные темы – интересы государств, баланс сил, военные приоритеты, экономические и природные ресурсы, географическое положение стран, информационные потоки, национальные идеи, а также образы государств, система самоопределения общества, характер цивилизации, наличие и особенности международных конфликтов. Среди геополитических стереотипов отмечены следующие: «Россия – особая страна»; «Россия – огромная, великая страна»; «Россия – источник «холодной войны»; «Россия агрессивна».*«Her aggressional power toward us is obviously nil– her defensive power against the annihilating influence of the principle which we can employ is likewise nothing – and her impotence arises directly from the nature of her social and economic condition. Russia consists of a vast body of serfs and a small body of territorial proprietors or magnates…»* (NYT 1854, March 7).Эти стереотипы могут быть объединены в структуру посредством фреймов «Россия – государство» и «Россия – страна / территория»; они являются «окончательными», обобщенными и схематичными представлениями о географии страны, особенностях её взаимоотношений с другими странами.

Среди политических стереотипов выделяются следующие: «русские – несчастные и страдающие люди»; «русские политически неграмотны»; «российская политика неразумна»; «демократии в России нет»; «в России нет свободы»; «в России разруха»; «Россия – авторитарная страна»; «русские любят сильного правителя»; «в России ничего не меняется». «*If not – well, we will live the way we live now*»; «*No one expects political change*»; «*Because nothing happened*»; «*As if nothing in Russia will change*» (NYT 2013, January 5).

Это стереотипы, которые создают слоты таких субфреймов, как «государственная власть», «характеристики государства». Эти стереотипы реализуются разными языковыми средствами и вместе составляют целую «сетку» устойчивых представлений о России. Взаимосвязь в дискурсе, недискретность дискурса демонстрируют практически все стереотипы.

Наибольшей частотой связей с другими стереотипными представлениями обладает представление о России как о силе, мощной и великой стране (*power* / *giant*). В американском дискурсе XIX века этот стереотип обозначался с помощью слов *power, gigantic* и *Empire*, что отражает особенности исторического периода; в дискурсе XX – XXI веков появляются слова *Soviet Empire*, *Evil Empire* и *lost power* – тоже по понятным причинам исторического порядка.

Социумные стереотипы входят в структуру фрейма «государство» и субфрейма «социум». Это стереотипы о «бедности», «отсталости», «преступности», «коррумпированности общества», «национализме». «*That, he argues, is because the oligarchs have been putting their wealth and power on show while many Russians slip deeper into poverty*» (NW 2003, Nov. 10). Эти мнения о России взаимосвязаны с представлениями о русском характере: с умением русского человека обходиться малым, противоречивостью его характера, в котором уживаются любовь к Родине и шовинизм, узость мышления; они также отражают взаимосвязь таких стереотипов, как отсталость и нецивилизованность России.

Среди этнокультурных стереотипов были выделены в отдельную группу бытовые, которые стали источниками формирования предметных символов. Они отражают уникальные реалии русского уклада жизни и ментальности. Национальная экзотика, национальный колорит находят своё отражение в некоторых предметах быта, особенностях природы и климата, которые стали символами России и русских. Так, стеретипы-символы «баня», «дача», «самовар», «водка», «снег / зима», «тройка» «отправляют» нас, например, к особенностям «русского характера» / «русской души» (словосочетания, выражающие стереотипы – этнокультурные символы не предметного происхождения): гостеприимству, широте души, терпению, удали. В американском публицистическом дискурсе также актуализируются такие представления о русском характере, как любовь к родине, находчивость, противоречивость. Прототип русского человека – это русский крестьянин, мужик. Символ «птица-тройка» – это прецедентный феномен, он имеет текстовое происхождение. «Русский медведь» – символ-стереотип, который имеет частотные дискурсивные взаимосвязи с политическими и геополитическими стереотипами; так, этот символ подразумевает агрессивность, дикость, не цивилизованность проводимой русскими политики: *«A senior American official said that while the United States and Russia have common interests, Russia has become "a revisionist and aggressive power," and the West "has to be prepared to push back." But the Bush administration also recognizes that Russia has legitimate security interests, and that Mr. Saakashvili has played a dangerous game of baiting the Russian bear»*(NYT 2008, Aug. 9).

Содержательный анализ стереотипов осуществлялся с опорой на деление стереотипов по макротематическому признаку. Ключевое слово высказывания, классифицированного как содержащее стереотип, служит основой отнесения стереотипа к определённой группе стереотипов и определения вида поддискурса (а также именно по ключевому слову стереотипам присваивались «имена»; часто это слова – лексемы-репрезентанты концептов-идеологем и лингвокультурных концептов). Содержание стереотипа также было проанализировано исходя из того, что положено в основание стереотипизации (мотивы): какие качест-

ва, действия, оценки России являются основанием для присвоения ей каких-то устойчивых (стереотипных) признаков.

На языковом уровне анализа были выявлены языковые средства актуализации стереотипного знания. Отдельные лексические единицы – имена концептов-идеологем, лингвокультурных концептов выражают стереотипы о России и русском человеке на уровне лексики. Среди таких слов – репрезентантов стереотипов можно назвать следующие: *power, Empire (the Soviet Empire), cold war, communism, nationalism, despotism, totalitarian, etc.* К словам-репрезентантам лингвокультурных концептов относятся: *samizdat, KGB, troika, banya, veniki, dacha, valenki, samovar, vodka, moujik, etc.* Также стереотипы актуализируются в американском публицистическом дискурсе с помощью символов – словосочетаний*Russian soul, Russian character, Russian bear, Russian troika.*

«Окончательное» (или «априорное») знание имеет несколько форм выражения. К лексическим способам репрезентации стереотипов относятся лексические единицы с семантикой повтора, постоянства, абсолютности признака *(*глаголы *to be regarded, to remain;* имена существительные *habit, tradition, reputation, status, style, majority;* местоимения *nobody, every, same, we;* имена прилагательные *not uncommon, old-fashioned, traditional, not unusual, true, ordinary, most, many;* наречия *indeed, always, never, still, everywhere, routinely, usually).*

К синтаксическим способам репрезентации стереотипа относится синтаксическая структура '*SUBJECT – PREDICATE'.* Простое нераспространенное предложение может осложняться вводным словом, которое, в свою очередь, является лексемой, репрезентирующей стереотип. Стереотип может содержаться в сложноподчиненном предложении (придаточной его части), в котором содержание стереотипа пресуппонируется и поэтому подается как объективная истина, окончательное знание. «*Whatever the Yukos case portends, it is clear that the old secret police will play an ever larger role in Russia's future»* (NW 2003, Nov. 24). Пресуппозиции, создающие контекст, общее, разделяемое участниками дискурса фоновое знание о России, в основном относятся к типу экзистенциальных пресуппозиций.

Выделенные в соответствии с выше описанным подходом и систематизированные на основе типа поддискурса минидискурсы (фрагменты текста), содержащие стереотип, являются материалом для словаря стереотипов. Для словаря мы предлагаем не алфавитную организацию, а кластерную, т. е. такую, в которой структурирующим признаком выступают фрейм и тип поддискурса. Этот принцип лежит в основе структуры Главы 4 диссертации: стереотип классифицируется исходя из типа поддискурса, в котором он возникает, а тип поддискурса является основой для формирования кластеров тематически близких стереотипов, например, геополитических, политических и пр. В указанной главе стереотипы анализировались исходя из их наличия в американской публицистике разных периодов, упоминания о них в научной литературе и национально-культурной специфики, для словарной же статьи словаря мы разработали макет, организованный в соответствии со следующей структурой. Заголовок словарной статьи – ядерное слово, репрезентирующее стереотип. Раздел I – фонетические и этимологические сведения; раздел II – понятийные признаки; раздел III содержит образные признаки метафорической и метонимической природы; раздел IV – это символические признаки. Каждый признак иллюстрирован мини-дискурсами; помимо этого, в словарную статью могут быть включены сведения о фразеологических средствах, синонимах и антонимах, репрезентирующих стереотип. Признаковый анализ стереотипа осуществляется, во-первых, в соответствии с пониманием всякого элемента концепта как могущей развернуться в дискурсе до самостоятельной лингво-ментальной единицы, во-вторых, в соотнесении гетеро- и автостереотипа ('баня' – 'banya'). Такая структура словарной статьи позволяет логично и последовательно описать содержательную составляющую стереотипа.

В процессе формирования макетов словарных статей «баня», «снег», «коммунизм», «гигантский» нами были отмечены некоторые тенденции, которые свидетельствуют об особенностях разных типов стереотипов. Так, например, стереотипы, имеющие в качестве референта предмет (снег, баня), или идеи, имеющие автора-создателя и конкретную историческую отнесённость (коммунизм), вербализуются во всех мини-дискурсах при помощи одного и того языкового средства. Признаки стереотипизируемого объекта репрезентируются при помощи разных (синонимичных) языковых средств (гигантский, громадный, огромный и т. д. / giant, great, big, vast, large).

При соотнесении содержания автостереотипов и гетеростереотипов становится очевидной разная признаковая наполненность концептов. Это валидно как для понятийных признаков, так и для образных. Так, разный состав образных признаков стереотипа «коммунизм» в русской и англоязычной языковых картинах мира объясняется разницей в истории идеологий государств; разный состав понятийных признаков стереотипа «гигантский» объясняется особенностями мифологической картины мира носителей языков. Для стереотипов – лингвокультурных концептов в русском языке отмечается большее количество фразеологических единиц, при помощи которых он репрезентирован; большее количество однокоренных слов, синонимов и антонимов.

Таким образом, планируемый к составлению словарь русских стереотипов является словарём «контаминированным», т. е. передающим сведения о содержании самого стереотипа и о слове, репрезентирующем стереотип, разнообразного характера: лексического, фонетического и пр. Словарь стереотипов русской жизни, составленный на материале русских и американских публицистических текстов с использованием разных справочников, может быть словарем нового типа, который, во-первых, актуализирует внимание к вопросам национальной идентичности, во-вторых, снимает сложившееся в науке и в обиходе предвзятое отношение к стереотипу как языковому и ментальному явлению.

Литература

1. Алимушкина, О. А. Возможности изучения стереотипов в ассоциативных полях / О. А. Алимушкина // Альманах современной науки и образования. – Ч. 2. – 2010. – № 2(33).– С. 14 – 15.

2. Бобринская, И. Д. Психолингвистические особенности формирования этнокультурных стереотипов: автореферат дис. …канд. филол. наук / И. Д. Бобринская. – М., 2003. – 29 с.

3. Голикова, Т. А. Менталитет как система стереотипов речевого коллектива / Т. А. Голикова // Язык. Человек. Картина мира. – Ч. 1. – Омск, 2000. – С. 18 – 21.

4. Городилова, Н. Н. Сибирь и сибиряки: автостереотипы и особенности концептуализации / Н. Н. Городилова // Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сб. статей; отв. ред. М. В. Пименова. – М.: ИЯ РАН, 2011. – С. 790 – 794. – Вып. 15. – (Серия: Концептуальные исследования).

5. Гришина, О. А. Актуализация концепта АМЕРИКА в современном русском языке: на материале публицистических текстов: дис. … канд. филол. наук / О. А. Гришина. – Кемерово, 2004.

6. Донец, П. Н. К типологии стереотипов / П. Н. Донец // Социальная власть языка. – Воронеж, 2001.

7. Каменева, В. А. Проблемы межкультурной коммуникации (гендерный аспект): учебное пособие / В. А. Каменева. – Кемерово, 2008. – 102 с.

8. Куданкина, О. А. Германия и ее жители: проблема стереотипов / О. А. Куданкина // Welt in der Sprache / Hrsg. von E. A. Pimenov, M. V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2005. – S. 218 – 225. (Reihe “Ethnohermeneutik und Ethnorhetorik”. Bd. 11. Herausgeder der Reihe: H. Bartel, E. A. Pimenov).

9. Маслова, В. А. Культурный стереотип и его роль в поведении сквозь призму языка / В. А. Маслова // Вестник СогУ. – 2008. – № 4.

10. Некрасова, А. Е. Этнические стереотипы в медийном дискурсе: механизмы интерпретации и попытка классификации / А. Е. Некрасова // Вестн. Моск. ун-та. – 2009. – № 2. – С. 141 – 147. – (Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация).

11. Ноженко, Е. В. Этнокультурная специфика стереотипов-концептов национального характера: «уверенность в себе», «патриотизм», «успешность» американской лингвокультуры: автореф. дис. … канд. филол. наук / Е. В. Ноженко. – Кемерово, 2008. – 22 с.

12. Орлова, О. Г. Актуализация концепта «RUSSIA» («РОССИЯ») в американской публицистике (на примере дискурса еженедельника «Newsweek»): дис. ... канд. филол. наук / О. Г. Орлова. – Волгоград, 2005.

13. Орлова, О. Г. Стереотипы о России и русских / О. Г. Орлова. – Кемерово, 2011. – 154 с.

14. Орлова, О. Г. Динамика дискурса и динамика стереотипа / О. Г. Орлова // Стереотипы лингвокультуры: колл. монография; отв. ред. М. В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 30 – 74.

15. Пименова, М. В. Личное пространство и менталитет народа / М. В. Пименова, Е. Камкина // Этногерменевтика: фрагменты языковой картины мира; отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвуиздат; Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – С. 41 – 45. – Вып. 3. – (Серия: Этногерменевтика и этнориторика).

16. Пименова, М. В. Этногерменевтика ментального мира человека (сквозь призму языковой картины внутреннего мира) / М. В. Пименова // Этногерменевтика и языковая картина мира: тезисы докладов I Международной конференции (Кемерово, 27 – 28 июня 1998 г.). – Кемерово: КемГУ, 1998. – С. 69 – 71. – Вып. 2. – (Серия: Этногерменевтика и этнориторика).

17. Пименова, М. В. Стереотипы и их место в языковой картине мира / М. В. Пименова // Стереотипы лингвокультуры: колл. монография; отв. ред. М. В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 3 – 30.

18. Прохоров, Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – М.: Издательство ЛКИ, 2008. – 224 с.

19. Рыжков, В. А. Национально-культурные аспекты ассоциативного значения интернациональных стереотипов: автореф. дис. … канд. филол. наук / В. А. Рыжков. – М., 1983. – 22 с.

20. Садуов, Р. Т. Стереотипы в политическом дискурсе Барака Обамы / Р. Т. Садуов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 11(192). – Вып. 42. – (Серия: Филология. Искусствоведение).

21. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М., 2000. – 624 с.

22. Толстая, С. М. Стереотип в этнолингвистике / С. М. Толстая // Речевые и ментальные стереотипы в синхронии и диахронии. – М., 1995. – С. 124 – 127.

23. Толстая, С. М. Стереотип и картина мира / С. М. Толстая // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Международной научной конференции. – Екатеринбург, 2009. – С. 262 – 264.

24. Точилина, Ю. Н. О концепте Германия XXI века в русской языковой картине мира / Ю. Н. Точилина // Стереотипы лингвокультуры: колл. монография; отв. ред. М.В. Пименова. – Киев: Издательский дом Д. Бураго, 2013. – С. 74 – 90.

25. Leyens, J.-Ph. Stereotypes and social cognition / J.-Ph. Leyens, V. Yzerbyt, G. Schardon. – London, 1994.

26. Vinacke, E. Stereotypes as Social Concepts / E. Vinacke // The Journal of Social Psychology. – 1957. – Vol. 46. – P. 236 – 245.

27. Welsh, C. Putnam's stereotypes and compositionality / C. Welsh // Papers from the regional meeting of the Chicago linguistic society. – Chicago, 1983. – V. 19. – P. 396 – 407.

28. Quasthoff, U. M. The uses of stereotype in everyday argument / U. M. Quashoff. – JPr, 1978. – Vol. 2. – P. 1 – 48.

Информация об авторе:

Орлова Олеся Геннадьевна – кандидат филологических наук, начальник отдела аспирантуры и докторантуры КемГУ, докторант КемГУ, 8(3842) 58-05-90, orlovaog@mail.ru.

Olesya G. Orlova – Candidate of Philology, doctoral student, Head of Postgraduate Education Department, Kemerovo State University.